

Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН*

С. В. Березницкий

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 3

Для цитирования: Березницкий С. В. 2018. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН. *Вопросы музеологии*, 9(1), 111–119.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.110>

Статья посвящена анализу фотоархива российского этнографа Б. А. Васильева, собиравшего в составе Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. материалы по культуре орочей, тунгусов, нивхов Амура и Сахалина, зафиксировавшего ее особенности на фотопластинках, которые хранятся в научном архиве Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). Тунгусская экспедиция была организована Центральным музеем народоведения и Антропологическим институтом Московского государственного университета. Один отряд проводил исследования в Восточной Сибири, другой — на Дальнем Востоке, в Приамурье и на Сахалине. В статье впервые вводятся в научный оборот архивные источники: фотографии Б. А. Васильева, сделанные в местах проживания орочей в бассейне реки Тумнин. На фотографиях запечатлены орочские поселения и жилища, особенности быта, хозяйства, занятий, верований и праздников, показана степень культурного влияния на орочей русских переселенцев. Ученый не только собрал полевой материал о верованиях, культурах и праздниках орочей, но и в своих статьях, в рукописи кандидатской диссертации провел этнокультурные параллели с подобными воззрениями и ритуалами других народов Нижнего Амура, Сахалина, Дальнего Востока, Сибири, Восточной Азии, Северной Америки. Он осуществил тщательный сравнительный анализ медвежьего праздника орочей, впервые в истории науки разработал концепцию о существовании двух его вариантов: более древнего, после добычи зверя на промысле, характерного для всего евразийско-американского культурного пласта, и позднего, связанного с выращиванием зверя в неволе и последующим предшествующим ритуалом. В этом видится не только отличие его взглядов от гипотез предшествующих ученых, но и значительный вклад в отечественную и зарубежную историографию, в контекст понимания сущности архаического мировоззрения человечества в целом. Многие аспекты этого древнего ритуала Б. А. Васильеву удалось сфотографировать: ритуальное приготовление медвежьего мяса, захоронение костей и черепа медведя на особом кладбище. В заключение статьи делается вывод о том, что орочские фотоматериалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. являются ценнейшими источниками по культуре и этническому облику одного из тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура.

Ключевые слова: Тунгусская экспедиция, Б. А. Васильев, орочи, этническая культура, фотографии, архивные источники.

* Статья написана при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00537А).

Тунгусская экспедиция была организована Центральным музеем народоведения¹ (Москва) и Антропологическим институтом Московского государственного университета. Руководил экспедиционными исследованиями Б. А. Куфтин, профессор МГУ. В 1927–1928 гг. члены экспедиции собирали этнографические материалы о промысловой деятельности, обрядах жизненного цикла, шаманстве, праздниках, особенностях языка и антропологического типа тунгусо-маньчжуров Восточной Сибири и Дальнего Востока: нанайцев, ороков, орочей, удэгейцев, эвенков, а также палеоазиатов — нивхов.

Основные этапы работы Тунгусской экспедиции, аспекты биографий ее ведущих участников: Б. А. Куфтина (1892–1953), Б. А. Васильева (1899–1976), М. Г. Левина (1904–1963), Я. Я. Rogинского (1895–1986), А. Н. Покровского, В. К. Стешенко-Куфтиной (1904–1953) — освещены в ряде трудов XX–XXI вв.²

Тунгусская экспедиция состояла из двух отрядов: один в составе Б. А. Куфтина, М. Г. Левина, Я. Я. Rogинского работал на Байкале, собирал этнографические данные о культуре оленных эвенков, вскрывал и исследовал тунгусские могильники. В другой отряд, в который прибыл Б. А. Куфтин, входили Б. А. Васильев, А. Н. Покровский; ученые работали на Нижнем Амуре и в Приморье: исследовали орочей в бассейне р. Тумнин, удэгейцев, нанайцев и нивхов. В 1928 г. в структуре экспедиции произошли изменения: она разделилась на Сахалинскую и Амуро-Приморскую группы. Первая (Б. А. Васильев, А. Н. Покровский, студент МГУ А. М. Пришвин) изучала культуру ульчей и нанайцев в низовьях Амура, ороков/ульхта на восточном берегу Сахалина, собирала у них коллекции по оленеводству, рыболовству, медвежьему празднику, одежде, прикладному искусству. Амуро-Приморская (Б. А. Куфтин, А. А. Вагагин, В. К. Стешенко) работала среди удэгейцев на р. Хор, нивхов Амура и Татарского пролива.

Отряды Тунгусской экспедиции собрали уникальные этнографические и антропологические сведения, отраженные в музейных коллекциях, дневниковых и нотных записях, архивных документах и фотоколлекциях. Однако все эти ценные материалы, характеризующие культуру эвенков, орочей, ороков/ульхта, нанайцев, нивхов, удэгейцев, не обработаны. Они хранятся в МАЭ РАН и РЭМ (Санкт-Петербург), в Институте этнологии и антропологии РАН и МГУ (г. Москва); возможно, и в ряде других музеев.

В дневниках Б. А. Куфтина содержится огромное количество ссылок на сделанные им в экспедиции фотоснимки у коренных народов Амура и Сахалина, озаглавленные так: «Фото БК с соответствующим номером»; однако негативы пока не найдены³. Анализ этих фотографий оказал бы неоценимую помощь при составлении

¹ Центральный музей народоведения в декабре 1934 г. был преобразован в Государственный музей народов СССР. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*, ф. 7668, оп. 1, д. 1500, л. 1; Турьинская, 2012. С. 43–51.

² Алымов, Решетов, 2003. С. 227–268; Ипполитова, 2001. С. 144–160; Огрызко, 2013. С. 299–301; Вагагин, 1980. С. 75–76; Шангина, 2014. С. 6–19; Шиллинг, 1926. С. 268–270.

³ В апреле 2018 г. заведующий отделом этнографии Сибири МАЭ РАН В. Н. Давыдов обнаружил небольшую коробку со стеклянными фотопластинками, на которой карандашом написано: «Б. А. Куфтин». Других обозначений нет, и сейчас сотрудники отдела занимаются идентификацией этих материалов.

этнической картины амурских этносов первой трети XX в., для классификации их культовой скульптуры, иллюстрации особенностей их древней культуры⁴.

Известно, что все тунгусо-маньчжурские народы, проживавшие на побережье юга Дальнего Востока, в традиционной культуре никогда не охотились на дельфинов⁵, не использовали в хозяйственных целях кости выброшенных на берег китов, а косатку считали своим священным предком. На острове Удд Б. А. Куфтин сфотографировал (фото БК 88, 89) культовое место «елингч» нивхов, где они вешали на сучки ритуальных деревьев, очищенных от коры, головы и черепа дельфинов⁶. Здесь же проводился и родовой ритуал «помы зонгр арныч» («дельфиньих голов кормление»): души этих животных нивхи угощали ягодами, растениями, мосем⁷. Прежде коренные народы Амура и Сахалина не праздновали дни рождения, чтобы не привлечь внимания вредоносных духов⁸. Куфтин зафиксировал (фото БК 91) интересное культовое сооружение нивхской шаманки — ритуальный столб «чэдир» с антропоморфным изображением у основания, поставленный шаманкой на месте своего рождения⁹. Кроме того, Куфтин сделал огромное количество фотографий о многих аспектах материальной и духовной культуры коренных народов Амура и Сахалина. Их анализ позволяет показать этнокультурные особенности этих этносов¹⁰.

Данная статья посвящена рассмотрению лишь одного аспекта результатов Тунгусской экспедиции — фотоколлекций Б. А. Васильева по ороочской культуре, хранящихся в архиве МАЭ РАН под номером И-1781. Часть негативов была сделана Васильевым на стеклянных фотопластинках. Один из известных российских специалистов в сфере идентификации музейных экспонатов Н. В. Ушаков справедливо подчеркивал: современные исследователи должны быть благодарны тому факту, что черно-белые фотоматериалы, негативы и фотоотпечатки оказались носителями с очень хорошей сохранностью¹¹.

Тщательный источниковедческий и историографический анализ проблемы фотоархивов как важных исторических и этнографических источников провела Е. Б. Толмачева. Она подчеркнула, что интерес к этому виду источников возник в трудах западных ученых лишь в 1970-х годах¹². Даже через много лет после того, как был сделан фотоснимок, по нему можно судить об особенностях ушедшей эпохи. Изучение этнографических фотоколлекций в последнее время приобретает все большую актуальность, в том числе и в связи с открывшимися возможностями по

⁴ Куфтин Б. А. О материальной культуре, шаманизме гилияков. Побережье Охотского моря, Тартарского пролива, о. Сахалин. 1927–1928 гг. Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (МАЭ РАН), ф. 12, оп. 1, д. 41. 85 л.; Березницкий, 2003. С. 190–220.

⁵ Исключением стало лишь тяжелое время Великой Отечественной войны, когда прибрежные коренные народы вынуждены были нарушать древние запреты своей культуры и добывать дельфинье мясо для отправки на фронт.

⁶ Куфтин Б. А. Архив МАЭ РАН, ф. 12, оп. 1, д. 41, л. 53–54.

⁷ Мось — ритуальное блюдо, приготавливаемое в виде своеобразного студня из кожи красной рыбы (чаще всего — кеты), которую несколько часов варят, затем в бульон добавляют нерпичий жир, ягоды (чаще всего бруснику).

⁸ Березницкий, 2000. С. 23–32.

⁹ Куфтин Б. А. Архив МАЭ РАН, ф. 12, оп. 1, д. 41, л. 67.

¹⁰ Куфтин Б. А. Архив МАЭ РАН, ф. 12, оп. 1, д. 38, 41, 42, 46, 48, 49, 50, 87.

¹¹ Ушаков, 2012. С. 153–162; Ушаков, 2014. С. 327–328.

¹² Толмачева, 2011. С. 6.

оцифровке старых фотографий, способной дать им второе рождение. Для музейных работников изучение фотографий представляет важность не только с эстетической точки зрения, но и в смысле введения в научный оборот ценного информативного источника, дающего зримое представление об особенностях культуры и быта разных этносов¹³.

Проведя хронологический и этнотематический анализ центральноазиатских фотоколлекций МАЭ РАН, В. А. Прищепова разработала методику извлечения этнографических и исторических сведений из указанных коллекций и введения их в научный оборот в качестве новых источников. При этом Прищепова отметила очень важный аспект работы с музейными фотоколлекциями: до недавнего времени они считались лишь дополнительными источниками, добавлениями к вещественному фонду. Такая парадигма была основана на положениях «Инструкции для регистрации коллекций», созданной в 1916 г. старшим этнографом музея Л. Я. Штернбергом¹⁴. Однако со временем выяснилось, что часто свидетелями традиционной культуры являются именно фотоколлекции, так как вещи по ряду причин (ветхость, моль, сырость и т. п.) приходят в полную негодность, перестают существовать в качестве полноценного музейного экспоната. Приоритет обращения к фотоколлекциям как этнографическим источникам принадлежит ученым Института истории материальной культуры АН СССР, которые в 1954 г. выступили с идеей об организации фотоархивов.

Фотоколлекция Б. А. Васильева, посвященная традиционной материальной и духовной культуре тумнинской группы орочей (1927 г.), состоит из 184 единиц хранения. Она поступила в МАЭ РАН из Центрального музея народоведения СССР в 1954 г., зарегистрирована в 1959 г. по акту 707. Негативы и отпечатки 9 × 12, 10 × 15 и 13 × 18 см. Б. А. Васильев начинает фотофиксацию с кузнечного промысла¹⁵, изготовления утвари из бересты (посуда, короба для сбора ягод, хранения продовольствия и т. п.). Этнографу удалось прекрасно показать внутреннюю планировку и все типы орочских жилищ: промысловые палатки и легкие шалаши, корьевые летники и зимники, шалаш роженицы¹⁶, деревянные избы с остекленными окнами, помещения для варки еды для собак, амбары для хранения продуктов, вешала для вяления рыбы.

Васильев поэтапно представил процесс добычи нерестовой рыбы (кеты, горбуши и других пород) в реках Тумнин, Хуту, Хади и других: вешала для ее вяления, сортировку и увязку в связки, помещение их в берестяные короба и хранение в зимних амбарах. Подробно показал обработку рыбьей кожи в специальных кожемялках: кожу засовывали в отверстие деревянного бревна и долго били обухом

¹³ Толмачева, 2014. С. 309.

¹⁴ Прищепова, 2011. С. 8, 26, 388.

¹⁵ Известно, что из всех коренных народов Дальнего Востока наиболее искусными кузнецами считались якуты. Однако и среди орочских кузнецов, по наблюдениям В. П. Маргаритова, были отдельные мастера, которым было под силу отремонтировать спусковые механизмы ружей. Даже русские солдаты обращались за помощью в таких случаях к орочским кузнецам.

¹⁶ Шалаш для роженицы представлял собой остов из жердей, покрытых кусками коры. Зимой внутри него можно было развести костер. Дрова, воду и все необходимое для родов женщина приносила сама. Муж не имел права вмешиваться в этот процесс. Лишь в самых тяжелых случаях приглашали пожилую опытную женщину или шамана. Последнего звали преимущественно для того, чтобы определить, кто является отцом ребенка: чаще всего трудные роды случались, если женщина изменила своему мужу с мужчиной из запрещенного системой родства подразделения общества.

и лезвием (специально затупленным) топора. Затем кожу мяли руками и изготавливали из нее головные уборы, халаты, ноговицы, фартуки, промысловую, повседневную, праздничную, зимнюю и летнюю, мужскую, женскую и детскую одежду и обувь.

На нескольких снимках показана интересная технология (обжигания на костре) по очистке днища деревянных лодок от заусениц, образовавшихся от ударов камнями на речных перекатах. Такие заусеницы значительно тормозили движение лодки по водной глади.

Сюжетам охоты Васильев посвятил гораздо меньше фотографий: отплытие каравана лодок в тайгу, охотник в нескольких ракурсах со снаряжением для зимней охоты (ловушки, самострел¹⁷), хотя охотничий промысел занимал важное место в традиционной культуре орочей, особенно на копытных (лося, кабана); после каждой добычи медведя орочи устраивали медвежий праздник. На этот ритуал приглашали много гостей, с соблюдением табу варили голову и медвежье мясо, произносили речитации, играли на музыкальном бревне. После праздника череп и кости медведя погребали на специальном медвежьем кладбище: в этом месте запрещалось рубить дрова, собирать дикоросы и вообще приходиться сюда без цели.

Интересны фотографии орочских могил: на них для души покойного оставляли намеренно¹⁸ испорченные лодки, нарты, предметы утвари. Могилу утопленницы закрывали рыболовной сетью, для того чтобы защитить душу умершей от возможного воздействия злых духов. Значительный процент коллекции занимают портретные композиции, на которых Б. А. Васильев запечатлел детей, мужчин, женщин, кузнецов, шаманов в традиционной и европейской одежде. Он сделал настоящий видеоряд, который представляет живые зарисовки быта орочей, проживавших в 1927 г. в бассейне реки Тумнин, в селениях Хуту-Датта, Уська, Датта, Монкохто, в районе бухт Датта и Советская Гавань.

Таким образом, анализ фотографий, сделанных Б. А. Васильевым на Тумнине и в окрестностях Советской Гавани, показал этнокультурные особенности традиционного быта, хозяйства, занятий, верований, ритуалов и праздников этой группы орочей. Практически все (кроме некоторых образцов европейской одежды и обуви, огнестрельного оружия, заимствованной у русских технологии строительства изб), орочи брали из окружающей природы: рыбу, мясо, материалы для изготовления жилищ, одежды и обуви, транспортных средств (лодок, нарт, лыж).

Природе же орочи и поклонялись в виде ритуалов угощения хозяев местности (воды, рек, гор, тайги, моря). Особенно важную роль в их жизни играл образ медведя как олицетворение реального таежного и самого сильного хищника в ре-

¹⁷ Здесь следует подчеркнуть не только технологические, но и мировоззренческие особенности охотничьего снаряжения орочей и поселившихся на их территории с середины XIX в. русских охотников. Огнестрельное охотничье оружие орочи сразу же высоко оценили и старались его покупать. С использованием капканов как у орочей, так и у других коренных народов региона были большие проблемы: пушные зверьки, попавшие в капкан, умирали не сразу, а после долгих мучений на морозе. По охотничьей этике народов Севера такое отношение к зверям запрещалось. Поэтому охотники использовали ловушки давящего типа, которые убивали зверька мгновенно. Самострелы устанавливали на пушных и на копытных зверей на их тропах.

¹⁸ По верованиям орочей, устройство загробного мира является зеркальным по отношению к земному: поэтому целая вещь здесь оказывалась испорченной в ином мире и наоборот. Кроме того, указанные предметы портили (прокалывали, разбивали и т. п.), чтобы освободить их души.

гионе, как сверхъестественного священного предка, от которого вели свое происхождение практически все родовые подразделения ороцкого этноса. Некоторые фотографии прекрасно иллюстрируют один из важнейших общественных ритуалов ороцкой жизни — медвежий праздник: варка мяса мужчинами отдельно от женщин¹⁹ в тайге, почитание головы медведя и помещение ее на ритуальный столб, украшение ритуальными стружками.

Значительный процент фотоколлекции Б. А. Васильева занимают снимки и негативы, отражающие феномен шаманства. В то время, несмотря на христианизацию орочей, оно сохраняло²⁰ свои древние корни, верования, а также зримого выражения — ритуалов. Шаманы лечили сородичей, находили потерянные вещи, в соответствии с видом смерти отправляли души умерших в различные загробные миры. В последние десятилетия XX в., как и у многих родственных народов бассейна Амура, Сунгари, шаманство орочей стало больше напоминать фольклорные праздники²¹. Васильеву же удалось показать аспекты самого главного шаманского ритуала — уни/ууни. Суть этого общественного праздника состояла в том, что каждый сильный шаман, который имел свою территорию для осуществления профессиональной деятельности, раз в два-три года совершал ее обход, очищая жилища от вредоносных духов, подтверждая свой авторитет, убеждая сородичей, что они находятся под надежной защитой его силы и поддерживающих ее шаманских духов-покровителей и духов-помощников. У шамана имелся большой эскорт людей-помощников, среди которых находились шаманы-неофиты, слабые шаманы, проходившие своеобразную «школу». На фотографиях Васильева прекрасно видно, что у шаманов имелись грандиозные комплексы ритуальных сооружений, возле которых они совершали умиловительные, благодарственные, промысловые, метеорологические²² ритуалы, угощали духов кровью и мясом домашних и диких птиц и животных.

Панорамные снимки дают прекрасную возможность проведения сравнительного анализа. Предварительно можно сказать, что место бывшего русского посе-

¹⁹ Ритуальный запрет женщинам на употребление медвежьего мяса с головы и передней части туши медведя основан на древних мифах. В соответствии с ороцкой мифологией этот народ произошел от сверхъестественного брака первой женщины с медведем. Такие мифы записывали у орочей В. К. Арсенев, Б. А. Васильев, Н. А. Липская и другие исследователи. В целом считалось, что женщина находится в более близкой родственной связи с медведями, чем мужчина. У разных ороцких родов наблюдалось разное отношение к этому табу: в некоторых родовых подразделениях женщинам строго запрещали употреблять в пищу мясо медведя, в других — муж мог угостить свою жену (особенно пожилую) мясом из разрешенных частей туши зверя, подавая кусочек, наколотый на палочку. Категорически запрещалось жарить медвежье мясо, солить при варке, грызть его зубами, капать медвежьим жиром на землю и т. п. Считалось, что допустившего такую оплошность человека обязательно разорвет в тайге медведь.

²⁰ К сожалению, репрессии середины 1930-х годов коснулись и ороцкого общества. Шаманы были приравнены к классу кулаков и должны были либо добровольно прекратить свою профессиональную деятельность, либо подвергнуться жестокому наказанию со стороны новой власти (Березницкий, 1997. С. 220–230).

²¹ Березницкий С. В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-Восточной Азии. *Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН*, ф. 1, оп. 2, д. 450, л. 49–50.

²² По своему хозяйственно-культурному типу орочи были рыбаки, охотники и собиратели, поэтому для них был важен снег, на котором отчетливо читались следы промысловых зверей. Прибрежные группы просили шаманов защитить их во время морского промысла от сильного ветра, шторма и туманов.

ления в бухте Датта у скального обнажения²³ в конце XX — начале XXI в. было наполнено мифологическими сюжетами об особом таежном великане Кадзямю²⁴, имеющем сложную не человеческую, но и не сверхъестественную природу. Это трех-пятиметровое существо могло вредить людям, похищать детей и молодых красивых женщин. Оно же, однако, могло даровать пожизненную промысловую удачу, фарт. Завершает свою коллекцию Б. А. Васильев жизнеутверждающей фотографией женщины, держащей в руках деревянную колыбель с ребенком.

Следует заметить, что Б. А. Васильев был не только прекрасным этнографом, создавшим для нас эти материалы об ушедшей культуре ороцкого народа, но и глубоко верующим человеком, катакомбным священником, пострадавшим за свою веру и вынужденным жить в ссылке, что во многом прервало его научную карьеру. Во второй половине своей жизни он написал книгу о духовной эволюции, об отношении к христианству великого русского поэта А. С. Пушкина, однако этот сюжет требует отдельного исследования.

Литература

- Альмов С. С., Решетов А. М. 2003. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути. *Репрессированные этнографы* 2: 227–268.
- Березницкий С. В. 2003. Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России. *Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (материалы к историко-этнографическому атласу)*. Владивосток: Дальнаука: 190–220.
- Березницкий С. В. 1997. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в рассказах и воспоминаниях коренных народов Нижнего Амура. *Материалы Первой Дальневосточной науч.-практ. конф. «Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е гг.»*. Владивосток: ДВГУ: 220–230.
- Березницкий С. В. 1998. Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура. *Вестник ДВО РАН* 3: 118–125.
- Березницкий С. В. 2000. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. *Россия и АТР* 4: 23–32.
- Васильев Б. А. 1995. *Духовный путь Пушкина. (Катакомбы XX века)*. М.: Sam & Sam.
- Ватагин В. А. 1980. *Воспоминания. Записки анималиста*. М.: Советский художник.
- Ипполитова А. Б. 2001. История музея народов СССР в Москве. *Этнографическое обозрение* 2: 144–160.
- Огрызко В. В. 2013. *Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиографический словарь*. М.: Литературная Россия.
- Прищепова В. А. 2011. *Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры*. СПб.: Наука.
- Толмачева Е. Б. 2014. Первые фотоколлекции МАЭ собрания И. С. Полякова как отражение общей истории формирования фотофонда. *Иллюстративные коллекции Кунсткамеры*. СПб.: МАЭ РАН: 309–322.
- Толмачева Е. Б. 2011. *Фотография как этнографический источник (по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Турьинская Х. М. 2012. Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX — начале XXI вв. *Вопросы музеологии*. 1 (5): 43–51.
- Ушаков Н. В. 2014. Методические аспекты работы с аналоговыми и цифровыми полевыми фото-материалами как этнографическим источником. *Иллюстративные коллекции Кунсткамеры*. СПб.: МАЭ РАН: 323–340.

²³ Березницкий, 1998. С. 118–125.

²⁴ Березницкий С. В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей) // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, д. 364, л. 225.

- Ушаков Н. В. 2012 Система учета и описаний полевых цифровых фотоматериалов. *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты в 2011 г.* СПб.: МАЭ РАН: 153–162.
- Шангина И. И. 2014 Вещевой фонд Музея народов СССР в Российском этнографическом музее: опыт источниковедческого анализа. *Музей. Традиции. Этничность.* 2 (6): 6–19.
- Шиллинг Е. М. 1926. Государственный Центральный музей народоведения в Москве. *Этнография.* 1–2: 268–270.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2018 г.;
рекомендована в печать 6 июня 2018 г.

Контактная информация:

Березницкий Сергей Васильевич — д-р ист. наук, проф.; svbereznitsky@yandex.ru

Photography collections of the Tunguska expedition in the Museum of Anthropology and Ethnography (RAS)*

S. V. Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bereznitsky S. V. 2018. Photography collections of the Tunguska expedition in the Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). *The Issues of Museology*, 9(1), 111–119. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.110> (In Russian)

The article is devoted to analysis of the photo archive of the Russian ethnographer A. B. Vasiliev, collecting in the composition of the Tunguska expeditions 1927–1928 materials on the culture of the Orochi, Tungus, Nivkh of the Amur and Sakhalin, to fix its features on photos that are stored in the scientific archive of the Museum of anthropology and Ethnography of RAS (Kunstkamera). The article introduces for the first time the scientific circulation of archival sources: the photos of the Vasiliev, made in the places of residence of the Orochi in the basin of the river Tumnin. The photos depict Oroch settlements and dwellings, especially life, economy, occupations, beliefs and holidays, shows the degree of cultural influence on the Orochi of Russian immigrants. B. A. Vasiliev not only collected field material about the beliefs, cults and holidays of the Orochi, but in his articles, in the manuscript of his thesis, drew ethnic and cultural parallels with similar views and rituals of other peoples of the Lower Amur, Sakhalin, the Far East, Siberia, East Asia, North America. The scientist made a thorough comparative analysis of the bear festival of the Orochi, for the first time in the history of science developed the concept of the existence of two of its variants: the more ancient, after the extraction of the beast in the fishery, characteristic of the entire Eurasian-American cultural layer and the later associated with the cultivation of the beast in captivity and the subsequent festive ritual. In conclusion, the article concludes that the Oroch photographs of the Tunguska expedition of 1927–1928 are the most valuable sources for the culture of one of the Tungus-Manchurian peoples of The lower Amur, which currently differ significantly from their ethnic appearance of the first third of the 20th century.

Keywords: Tunguska expedition, B. A. Vasilyev, Orochi, ethnic culture, photos, archival sources.

References

- Alymov S. S., Reshetov A. M. 2003. Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti. [Boris A. Kuftin: fractures of the life path]. *Repressirovannye etnografy* 2: 227–268. (In Russian)

* The article was written with the support of RFBR (grant № 18-09-00537A).

- Bereznitskii S. V. 2003. Klassifikatsiia kul'tovoi atributiki korennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii. [Classification of cult attributes of indigenous peoples of the Far East of Russia]. *Tipologija kul'tury korennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii (materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu)*. Vladivostok: Dal'nauka: 190–220. (In Russian)
- Bereznitskii S. V. 1997. Otrazhenie politicheskikh repressii 30-kh gg. XX v. v rasskazakh i vospominaniakh korennykh narodov Nizhnego Amura. [Reflection of political repressions of the 30s of the 20th century in the stories and memories of the indigenous peoples of the Lower Amur]. *Materialy Pervoi Dal'nevostochnoi nauchno-prakt. konf. «Politicheskie repressii na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920–1950-e gg.»*. Vladivostok: DVGU: 220–230. (In Russian)
- Bereznitskii S. V. 1998. Prirodnye kul'tovye ob'ekty korennykh narodov Nizhnego Amura. [Nature of the cult objects of indigenous peoples of the Lower Amur]. *Vestnik DVO RAN* 3: 118–125. (In Russian)
- Bereznitskii S. V. 2000. Semeinaia obriadnost' korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. [Family rite of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. *Rossia i ATR*. 4: 23–32. (In Russian)
- Vasil'ev B. A. 1995. *Dukhovnyi put' Pushkina. (Katakomby XX veka)*. [The spiritual path of Pushkin. (Catacombs of 20th century)]. Moscow: Sam & Sam. (In Russian)
- Vatagin V. A. 1980. *Vospominaniia. Zapiski animalista*. [A notes of the animalist]. Moscow: Sovetskii khudozhnik. (In Russian)
- Ippolitova A. B. 2001. Istoriia muzeia narodov SSSR v Moskve. [History of the Museum of the USSR peoples in Moscow]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 144–160. (In Russian)
- Ogryzko V. V. 2013. *Otechestvennye issledovateli korennykh malochislennykh narodov Severa i Dal'nego Vostoka: biobibliograficheskii slovar'*. [Russian researchers of indigenous peoples of the North and the Far East: biobibliographic dictionary]. Moscow: Literaturnaia Rossiia. (In Russian)
- Prishchepova V. A. 2011. *Illiustrativnye kollektzii po narodam Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka v sobraniiax Kunstkamery*. [Illustrative collections of the peoples of Central Asia of the second half of XIX-early XX century in the collections of the Kunstammer]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Tolmacheva E. B. 2014. Pervye fotokollektzii MAE sobraniia I. S. Poliakova kak otrazhenie obschei istorii formirovaniia fotofonda. [The first photo collections of the IAE collection By I. S. Polyakov as a reflection of the General history of the formation of the photo Fund.]. *Illiustrativnye kollektzii Kunstkamery*. Saint Petersburg: MAE RAN: 309–322. (In Russian)
- Tolmacheva E. B. 2011. *Fotografiia kak etnograficheskii istochnik (po materialam fotokollektzii Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN)* [Photography as an ethnographic source (based on the materials of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS)]; avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saint Petersburg. (In Russian)
- Tur'inskaia Kh. M. 2012. Iz istorii etnograficheskogo muzeinogo dela v Moskve v XIX — nachale XXI vv. [From the history of ethnographic Museum business in Moscow in the 19th — early 21th centuries]. *Voprosy muzeologii* 1 (5): 43–51. (In Russian)
- Ushakov N. V. 2014. Metodicheskie aspekty raboty s analogovymi i tsifrovymi polevymi fotomaterialami kak etnograficheskii istochnikom. [Methodical aspects of work with analog and digital field photographic materials as an ethnographic source]. *Illiustrativnye kollektzii Kunstkamery*. Saint Petersburg: MAE RAN: 323–340. (In Russian)
- Ushakov N. V. 2012. Sistema ucheta i opisaniia polevykh tsifrovyykh fotomaterialov. [Accounting system and descriptions of field digital photographs]. *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty v 2011 g.* Saint Petersburg: MAE RAN: 153–162. (In Russian)
- Shangina I. I. 2014. Veshchevoi fond Muzeia narodov SSSR v Rossiiskom etnograficheskom muzee: opyt istochnikovedcheskogo analiza. [Museum of the USSR peoples in the Russian ethnographic Museum: the experience of source analysis]. *Muzei. Traditsii. Etnichnost'* 2 (6): 6–19. (In Russian)
- Shilling E. M. 1926. Gosudarstvennyi Tsentral'nyi muzei narodovedeniia v Moskve. [State Central Museum of folk studies in Moscow Ethnography]. *Etnografiia* 1–2: 268–270. (In Russian)

Received: March 13, 2018

Accepted: June 6, 2018

Author's information:

Sergey V. Bereznitsky — Dr. Sci. in History, Professor; svbereznitsky@yandex.ru